

В книге «Белый шум» представлены произведения Александра Петрушкина за 2016–2017 год. Уже в самом названии автор оставляет загадку для читателя, с мистическим и одновременно научным термином «белый шум». Общеизвестно, что это равномерно звучащий шум, который по отношению к человеку оказывает усыпляющий и успокаивающий эффект, вводит в транс. С точки зрения мистики, в «белом шуме» можно услышать сообщения от давно умерших людей, отзвуки прошлого. Эти два значения термина очень гармонично сочетаются и подходят поэзии Александра Петрушкина. Но каждый отдельный текст поэта отличается особым символизмом. Кажется, что перед тобой хокку японского

мудреца, но это связано не с формой стихотворений, а с их содержанием. Уже очень резко перескакивает автор с одного образа на другой, сохраняя при этом полную картину произведения. И в этом специфика поэзии Александра Петрушкина — он многолик и многоголосен:

*Дзен бабочки парящей
в молоке,
чей камушек спит часть
в лабиринте —
глазною половиною на свет
он вывернут и смотрит
в тесный вывих,
что в коромысле бабочки
летит
и свёрнут в дыры от её
полёта,
где тростниковый дождь,
как вол, звенит
и верба, как Мария,
недотрога.*

Религиозные мотивы сочетаются с метафизикой и житейскими бытовыми историями. То читатель погружается в библейскую историю, то во времена Александра Сергеевича Пушкина, то в современность. После второго и третьего прочтения можно услышать тот самый «белый шум» и погрузиться в транс. Вживую, слушая чтение стихов, эхом отзывается ранний Бродский. Однако в отличие от поэзии Бродского, поэзия Петрушкина более абстрактная, очень трудно представить в сознании эти образы, настолько они сюрреалистичны:

*Скорлупка хрустнет
воздуха. Войдёт,
похожая на лодку, первой,
кровь —*

как выдох, выплавляя

до шмеля

воронку света, соту.

Это — я?

Особое место в поэзии Петрушкина занимает образ рыбы — одного из главных символов Христа. Вместе с рыбами в поэзии часто встречаются мотивы воды, сетей:

*Рыба — то роза, то крест,
а то сеть въздаянья,
горка, которую пряха
пейзажа стекает обратно,
в веретено на треть
непрозрачного неба,
как чуда,
где разговор — шум дождя,
что катается в камне.*

Или:

*Я пойман на блесну
из выдоха и света
прижатого ко дну
кувшина человека.*

Время и пространство в поэзии Петрушкина находятся вне читательского воображения, это словно карандашные линии на невидимом холсте художника, которые

ещё не превратились в законченное произведение. Лирическое я стихотворений находится в текучем, зеркальном пространстве, поэт использует типичные противопоставления в нетипичных конструкциях:

*тёплый хлеб земли с водою
мёртвой — потому живой
я стою перед тобою
а точнее — за тобою.*

Александр Петрушкин часто обращается к религиозным, историческим и мифологическим персонажам: «...в ладонях у блудливых рыбаков, которыми в пейзажи замерзаем двадцать девятого, как будто октября, где бабочка, как яблоня и сфера — и ты, как Полифем окаменев, не покидай тебе назвавшейся пещеры», «...вспоминаешь ось, вынуженную осу из Кирилла с Мефодием кулака», «Заплати ему два-три обола, не жмоться, слова — в телефонной книге, как в Иерусалиме, найдя Иова». Они вплетаются в сюжеты произведений гармонично, как часть мозаики.

Обращение к истории, религии и мифам делает поэзию Петрушкина интертекстуальной. Это отмечает и литературный критик Анна Сидякина: «Петрушкин лирик и романтик. Он открытой душой откликается абсолютно на все голоса современных уральских поэтов от старших — до самых молодых. В этом смысле главная его особенность — интертекстуальность».

Поэзия Александра Петрушкина крайне динамична, как вода, которая появляется в его стихах. Он несёт мысль быстрее, чем слово, словно река, превращающаяся в водопад, в связи с этим уместна цитата Сидякиной о том, как поэт «бросается в каждое своё стихотворение»: «И либо тонет, либо, нахлебавшись, все-таки выплывает». Это и возвращает нас к названию сборника «Белый шум», как способность увидеть через многоголосье и многообразие образов лирическое «я» поэта.

Ольга Школина